

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 69-79, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.69

www.ejournal15.com



UDC 94/47.084.8

Evacuation of Civilians and Material Values During the Great Patriotic War: Memory VS Document*

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. Article is devoted to the perception of evacuation and its reflection in the Archive Fund. It discusses the features of eyewitnesses of the events 1941–1942. Opens the possibility of archival sources in understanding the logic of the disruption and measures of evacuation. Noted substantial mismatch personal and official sources of origin, analyzes their research capabilities.

Keywords: Great Patriotic War; evacuation; the civilian population; material values; memories; archival documents; Rostov and Stalingrad area.

Введение

История эвакуации гражданского населения и материальных ценностей из регионов, оказывавшихся под непосредственной угрозой оккупации противника, относится к активно разрабатываемым сюжетам современной отечественной историографии. Ее проведению и сопутствовавшим этому процессу «издержкам» посвящены многочисленные работы, основывающиеся на источниках как официального, так и личного происхождения. При этом масштаб освещения эвакуационных мероприятий давно уже сместился от общего к частному и измеряется отдельными регионами и населенными пунктами. Новая исследовательская оптика и использование широкого круга исторических свидетельств позволили историкам ответить на очень многие, «неудобные» вопросы относительно срыва эвакуации; трудностей размещения эвакуированного населения; неизбежно связанных с перемещением огромного количества людей и материальных ресурсов потерь [1]. На сегодняшний день в изучении эвакуации, казалось бы, не осталось ни «белых пятен», ни исследовательской интриги, если не считать таковой время от времени вспыхивающие дискуссии относительно «зловещей роли» Сталина в срыве и фактическом запрете эвакуации из ряда населенных пунктов. *«В отечественной и зарубежной литературе публицистического характера часто можно встретить такую точку зрения: Сталин запретил эвакуацию, чтобы не подорвать свой престиж и не вызвать панику, эвакуация населения из Сталинграда*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

целенаправленно не проводилась, а началась стихийно уже после жестоких бомбардировок города. Доходит до того, что якобы Сталин вместо полномасштабной эвакуации бросил все население на защиту города» [2]. Тем не менее, вопрос о том из чего («какого сора») складывается ее нынешний образ, на каком уровне дополняют друг друга память очевидцев/современников событий и сухие сведения официальных документов того времени остается открытым. Рассмотрим на примере воспоминаний очевидцев и источников официального происхождения, какой помнится и документально видится эвакуация населения и предприятий Ростовской и Сталинградской областей, и почему она все еще относится «к одним из самых малоизученных вопросов в истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны» [3].

Материалы и методы

24 сентября 1941 г. «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР создается Совет по эвакуации [3]. А уже 27 июня ЦК ВКП (б) и СНК СССР принимают постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Согласно этому постановлению, первоочередной эвакуации из местностей, находившихся под угрозой вторжения немецких войск, подлежали «важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючие, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение». Квалифицированные рабочие, инженеры и служащие эвакуировались вместе с предприятиями; годная к воинской службе молодежь и ответственные партийные и советские работники упоминались в нем «второй очередью» [4]. В литературе часто встречается мнение, что остальные категории населения (старики, дети, инвалиды) были просто брошены на произвол судьбы и обстоятельств. С ним трудно не согласиться, хотя и согласиться полностью мешают предпринимаемые органами власти меры по эвакуации детских домов, организации дополнительных вагонов по вывозу гражданского населения, вывод «стариков» в районы расположения партизанских отрядов. Однозначной оценке эвакуационных мероприятий препятствуют и особенности ее организации и проведения в разных регионах страны. Ростовская область, дважды подвергнувшаяся оккупации («недельной» в ноябре 1941 г. и восьмимесячной в конце июля 1942 – начале февраля 1943 гг.), прошла и через две волны эвакуации, каждая из которых запомнилась своими особенностями.

Обсуждение и результаты

В воспоминаниях жителей области и ее административного центра первая эвакуация запомнилась всполохом «неожиданной оккупации». Ростовчанка Н.В. Бакулина, работавшая в пединституте и имевшая на руках мать и малолетнего сына, в 1953 г. писала: «К началу ноября 1941 г. немецкая армия уже стояла под Ростовом. Мало кто из граждан успел эвакуироваться. Это удалось, видимо, только представителям городских и областных властей. Они удирали, бросив на произвол врага вверенный им город, вывозя на грузовиках своё имущество. Между отходом наших частей и вступлением в город немцев образовалась пауза в несколько часов. Начались грабежи. Занимались этим не оккупанты, а наши граждане» [5]. О «всем начальстве, покинувшем город» за два-три дня до прихода немцев и обреченным его на разграбление населением говорил и А. Карапетян, отмечая: «Примерно за месяц до вступления немцев в Ростов, во второй половине октября, в городе началась паника. Наверное, это был отголосок паники в Москве. Прошел слух: немцы прорываются к Ростову» [6]. А. Агафонов, будучи «мальчишкой» в те далекие годы, спустя 70 лет вспоминал: «Многие эвакуировались. И весь наш огромный двор был завален скарбом, который нельзя было увезти. Особенно много было книг – классиков марксизма-ленинизма и другой политической литературы. Мы, мальчишки, долго рылись в этих книгах, искали книжки с картинками. Среди этой книжковой макулатуры мы нашли письмо. Прочитали его. Оно нас поразило. Письмо было из Москвы. Самое страшное: в нем писалось, что в Москве – паника, идет эвакуация» [7]. Вспоминали ростовчане и о госпитале с ранеными красноармейцами, который перед

«приходом немцев наши не успели эвакуировать. Их жители разобрали по квартирам» [8].

В одной из сохранившихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области объяснительных записок приводятся причины, по которым член ВКП (б) с 1928 г. А.П. Петрова не успела эвакуироваться и по которым, соответственно, не было эвакуировано и предприятие, где она работала. Из объяснительной следовало, что «в первых числах ноября 1941 г.» все пищевые предприятия города получили распоряжение «производить бесперебойную работу по выработке готовой продукции, несмотря на осадное положение города ... Одновременно предупредили всех хозяйственников пищевых предприятий города, что они без разрешения городских организаций не имеют право покидать предприятие. В действительности оказалась совсем другая и неожиданная обстановка. 20/XI–41 завод производил нормальную работу, причем в тот день я примерно в 12 часов обратилась в Ленинский РК ВКП (б) с вопросом “как быть, кругом слышна канонада”, на что мне ответили “продолжать форсировать работу и если будет какая опасность, Вам сообщат особо, поэтому не волнуйтесь, работайте спокойно”. И как то получилось в действительности, я представить не могу, а именно: примерно в 2 часа я отпустила 3-х-тонную машину спиртных напитков для полевого госпиталя действующей армии. После чего слышу от отдельных сотрудников и работников завода, что на улицах бегают вооруженные немцы, чему я не поверила и сейчас же вышла во двор завода, и пошла по направлению проходной. Я увидела 3 едущие мотоцикла по улице, на которых сидели по два гитлеровских бандита, вооруженных пулеметами и другим оружием, в след за которыми бежала группа фашистских бандитов 10–12 человек с оружием ... В виду данных обстоятельств я бросилась к телефону, чтобы сообщить о данном явлении городским организациям, но телефонная связь уже не работала. Тогда я организовала коммунистов на уничтожение оборудования и ценных документов завода ... В период окружения на заводе оставалось недоброкачественное сырье 9850 литров, которое пожрали немецкие собаки, которое в употребление было не пригодно» [9].

Вторая волна эвакуации, пришедшая на летние месяцы 1942 г., оставила в памяти более отчетливые воспоминания. Запомнились долгие сборы «неизвестность», «вокзальная толкучка» и «штурм вагонов»: «Вскоре я услышал странное, непонятное слово эвакуация. Оказывается, нам надо было уезжать в какую-то среднюю Азию. Эвакуировались целыми предприятиями. С оборудованием, семьями. Готовился к отъезду и кожзавод, где работал отец. Мать сушила сухари, упаковывала вещи... На вокзале нас встретило удручающее зрелище. Обессиленные люди подтаскивали свои вещи. Городской транспорт тогда уже не работал <...> Было уже темно. Сам вокзал сгорел. Стоял лишь его скелет. Воняло гарью. Посадка шла ночью. Походила она на штурм средневековой крепости. Никаких билетов, никаких проводников. Вот вагон. Вот толпа. Вот груда вещей. Высокие ступеньки и узкие двери. Вся эта орущая возбужденная детским плачем масса людей была неуправляемой стихией» [10]. Сильно запаздывавшей информацией, стоившей жизни отправлявшимся в эвакуацию: «Мы никогда не знали, что и где происходит. Когда отправляли эвакуированных на юг, в сторону Сальска, никто не знал, что танки немцев уже устремились туда» [11].

Головоотяпством руководства, не позаботившегося о том, чтобы поставить в известность людей, отправляемых в эвакуацию о надлежащей экипировке: «Я уже писала о том, что руководство Ростиздата не сочло нужным известить внештатных сотрудников об его эвакуации, не посчитавшись с тем, что на каждой странице газеты “Прямой наводкой” под карикатурами стояли наши подлинные фамилии. Можно предположить, что именно поэтому Лена взяла с собой в эвакуацию полный комплект газеты – все 24 номера, которые находились в издательстве. А дальше последовало стечение роковых обстоятельств, которое стоило жизни Лене, её родителям и ряду сотрудников, выехавших из Ростова вместе с ними. Их по неизвестным причинам высадили из поезда где-то в степи, на востоке Ростовской области. Оттуда они добрались пешком до станции Будённовской или Пролетарской, где попали к немцам. При обыске у Лены обнаружили комплект газеты “Прямой наводкой”. Все, в том числе и Лена с родителями, были расстреляны» [12]. Спешным выездом из города руководства и начавшейся эвакуацией учреждений: «Исподволь и без огласки началась эвакуация учреждений.

Вспомнилось, как мы, трое подружек ещё со студенческих времен, аспирантки университета и пединститута, движимые советским патриотизмом, отправились в Кировский райком ВКП (б), чтобы приобщиться к партизанскому движению в тылу оккупантов и получить соответствующее полномочия и инструкции. Райком встретил нас распахнутыми дверями и окнами, в пустых помещениях гулял ветер. Партийное руководство заблаговременно смотало удочки, и след его давным-давно простыл». И вынужденным, принятым под воздействием силы обстоятельств, решением остаться: «За всеми этими делами я так ничего и не узнала об эвакуации Пединститута. Но до меня дошёл слух, что на станции Ростов-Товарная готовится к отправлению эшелон с сотрудниками университета. Оставив дома маму и сына, я буквально под бомбами, укрываясь в воронках, побежала туда. Надеялась, что нас тоже возьмут. Но там мне сообщили, что эшелон переполнен и “чужаков” не берут. Мы поговорили с мамой и решили остаться. Уходить пешком было безумием» [13].

С болью отмечалась и позиция властей, или «того, что от них осталось», убеждавших жителей в том, что Ростов-на-Дону сдан не будет. По истечении стольких лет появилось и практическое оправдание такой деятельности власти, которое связывалось с необходимостью остановить паническое бегство населения, могущее затруднить отход воинских подразделений. Однако здесь же отмечалось, что «со временем описанная выше тактика приобрела весьма неприятный привкус иезуитизма: сознательно удерживали граждан от эвакуации, а после войны возложили на них весь груз ответственности за то, что они оставались на оккупированной территории, и организовали подлую кампанию преследования за эту провинность. Ещё один штрих к характеристике той системы, которую настойчиво именовали социалистической и самой [14]. «Да никто не уехал, никто не успевал, кто успел уехать заранее. Кто мог возможность иметь какую-то. Не было той возможности. Это оккупация была, брошенные наши были, почему сейчас люди обижаются» [15].

Вместе с тем, память очевидцев событий того времени хранит и благодарное отношение к власти, позволившей уехать после «ужасов первого нашествия немцев» и принявшей на новом месте: «А я хочу Вам сказать, что наше правительство сдавать Ростов не собиралось, не хотели, ключ к Кавказу. Очень многие уехали до первых немцев, просто началась война, и они уехали. А те, кто не уехали, вот значит нам вот эвакуантчики, те которые на Кузнецком мосту в Москве, у нас этих нет. Ну, может там что-то и есть, я не писала туда письмо. У меня есть доказательство того, что я была в Казахстане, у меня комсомольский билет на казахском языке. У меня есть, что когда мы уехали, значит, что я закончила 10 классов. Потом в марте месяце, ранней весной забирала под чистую. И забрали папу в армию в марте месяце. У меня есть его военный билет, когда и с какого адреса его забрали. Все вот в том адресе. Вот, значит, мы поехали и уехали последним поездом» [16]. Во всех этих воспоминаниях память нередко «добирает» недостающее свидетелям знание из будущего, помогая, тем самым, справиться с пониманием ситуации прошлого. Ее абберрация во многом вызвана происходящим переосмыслением событий военного времени в целом, а также усиленным вниманием профессионального сообщества к возможностям и содержательной составляющей индивидуальной памяти.

Несколько иначе «помнят» эвакуацию архивные источники. Одним из наиболее информативных их видов остаются протоколы бюро партийных комитетов. Содержание и характер, располагаемых ими сведений, как правило, не выходят за пределы рассматриваемых текущих вопросов. При этом запланированная к обсуждению повестка дня не всегда находит отражение в части утвержденных постановлений либо ограничивается предельно краткой формулировкой о «принятии к сведению». 25 – 27 мая 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б), заслушав пересланное из редакции газеты «Правда» письмо рабочего («по-видимому, из Бело-Калитвенского района» [так в тексте, в современном написании – Белокалитвенского – Авт.] о «преступных делах, связанных с эвакуацией, постановило: передать письмо в областную прокуратуру для проведения расследования и предания суду виновных, если сообщение подтвердится» [17]. Двумя месяцами ранее рассматривалось пересланное начальником политотдела Н-ской дивизии письмо не успевшей эвакуироваться дочери красноармейца Сысоева из колхоза «Красный маяк»

Хлеборобинского сельсовета Целинского района. Секретарю райкома поручалось выяснить достоверность изложенных в нем фактов и передать их в обком. В ссылке к пункту постановления сообщалось, что «решения приняты 25/III – 42 г.» [18]. Тем не менее, перечень вопросов, выносимых на заседания бюро, рассекречиваемые материалы приложений по ряду обсуждаемых вопросов, передают общую атмосферу времени и реакцию на нее главного областного органа власти.

В повестку дня заседаний бюро Ростовского обкома ВКП (б) вопрос об эвакуации был поставлен 2 сентября 1941 г. К этому времени становится очевидным, что война приобретает затяжной характер, а скорость продвижения противника вглубь советской территории не оставляет надежд на сохранение в полном объеме «людского контингента и ценного имущества». Речь шла о срыве важнейших правительственных мероприятий по обеспечению вагонами эвакуируемых предприятий и грузов. По этому поводу в докладной записке с характерным названием «Анализ состояния оборота вагонов по Ростовскому отделению движения железной дороги им. Ворошилова» отмечалось, что «наметившееся до войны улучшение работы с вагонами сошло на нет... Оборот вагона в военное время ухудшился... Технический простой вагонов только за май месяц при норме 10,2/11,1 составил 15,3/21,5 [в числителе – крытый или открытый подвездной состав, в знаменателе – цистерны – Авт.]. За десять дней июня перепростой составил 14,5/19,1. После начала войны в июле месяце он достиг 16,1/22, а за 10 дней августа – 19,2/15,5» [19]. Причины столь тревожащего положения дел связывались исключительно с человеческим фактором: «Многие железнодорожники сразу после начала войны перестали вести борьбу за быстрейший оборот вагонов, перестали беспокоиться о своевременной и быстрой передаче местного груза, развозе его внутри отделения, подаче вагонов к местной нагрузке и погрузке, уборке вагонов по окончании грузовых операций <...> Идет неприем поездов на Марцево [железнодорожная станция, в настоящее время находящаяся в черте г. Таганрога – Авт.] в связи с прекращением продвижения грузов на дороги Запада и обработкой поездов с эвакогрузами, когда многие вагоны непроизводительно простаивают в ожидании вынесения нового назначения <...> Ситуацию ухудшают и крупнейшие предприятия. Россельмаш передержал в мае свыше нормы 705 вагонов на 1475 час. 30 мин.; за 10 дней июня – 224 вагона на 357 час. 20 мин.; в июле – 593 вагона на 1847 час.; за десять дней августа – 240 вагонов на 691 час. 50 мин.» [20]. Беспечное, а в ряде случаев преступное отношение отдельных руководителей станций и предприятий к вопросу организации выгрузки, по мнению членов бюро, в конечном итоге, и стало основной причиной заторов на пути передвижения эвакуационных грузов. Выходом из создавшейся ситуации виделось усиление партийного руководства состоянием грузооборотов на железных дорогах и поднятие самодисциплины железнодорожников.

Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах страны. Так, в качестве одной из «вполне определенных причин, по которым невозможно было провести полномасштабную эвакуацию жителей» Сталинграда современный исследователь указывает на «загруженность переправ». В июле и начале августа 1942 г. через город в глубокий тыл перевозились хлеб, техника, перегонялся скот. Приводимые в исследовании факты свидетельствуют о том, что эвакуация населения велась низкими темпами и по причине переоценки городским руководством сроков и возможностей немецкого наступления. В результате немецких бомбардировок были разрушены все причалы, через которые планировалась эвакуация населения на левый берег Волги. В то же время, по свидетельству приводимого и ранее засекреченного архивного документа за подписью начальника Управления АДС ЮВФ* от 20 августа (за четыре дня до уничтожения всех причалов ударами с воздуха), большинство предприятий и организаций города строительством переправ не занимались. В записке на имя председателя Сталинградского областного совета депутатов трудящихся указывалось на необходимость «принятия мер по ликвидации благодушия среди предприятий и организаций по постройке паромов» и доводилось до сведения «предприятий и организаций, на которые возложено

* Автотранспортная и дорожная служба Юго-Восточного фронта.

строительство переправ, что в случае необходимости военные переправы для эвакуации гражданского населения предоставлены не будут» [21].

На этом же заседании Ростовского обкома ВКП (б) от 2 сентября 1941 г. рассматривалось и состояние детских домов, эвакуированных в Ростовскую область. Их инспектирование было инициировано решением оргбюро ЦК ВКП (б) от 22 августа 1941 г. Проверка выявила отсутствие в ряде районов нормальных бытовых условий для проживания эвакуированных детей, необеспеченность их надлежащим медицинским обслуживанием. В Раздорском районе 38 детей болели корью, 20 – свинкой; в Мечетинском районе – 16 чел. на момент осмотра *«страдали ангиной»*. Располагавшийся здесь детдом находился в бывшем пионерском лагере, единственное здание которого было абсолютно не приспособлено к зимним условиям. Текла крыша, отсутствовали прачечная и столовая. Дети спали *«по два человека на соломенных подушках»*, отсутствовали кровати. В Багаевском районе детский дом размещался в небольшом помещении, где отмечалась *«большая детская скученность»*. За отсутствием кроватей дети спали на полу, практически отсутствовала кухонная и столовая посуда. Такое же положение наблюдалось и в Калмыцком, Раздорском, Неклиновском районах области. Районным партийным организациям, чье безответственное отношение признавалось источником *«ненормального положения эвакуированных детей»*, вменялось в обязанность его скорейшее исправление [22]. Детские дома и школа-интернат глухонемых детей Сталинградской области в другие регионы не эвакуировались. Согласно постановлению бюро Сталинградского обкома ВКП (б) от 13 июля 1942 г. под грифом *«Строго секретно»*, в связи с приближением линии фронта они подлежали эвакуации в тыловые районы области. Для этой цели предполагалось мобилизовать необходимое количество подвод и автотранспорта. О дальнейшей судьбе эвакуированных документы не сообщали [23].

И только 24 октября 1941 г. после получения телеграфной депеши за подписью И.В. Сталина бюро приступило к непосредственному рассмотрению вопроса о массовой эвакуации. В ней, в частности отмечались необходимость *«1) образовать комитет по эвакуации вглубь страны из работников прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды в составе Микоян (председатель), Косыгин, Каганович, Смирнов, Зотов, Шатов; 2) обязать комитет проводить эвакуацию всеми средствами: железными дорогами, водным транспортом, автомобилями, подводами; 3) предоставить 26 октября план эвакуации грузов, перечисленных в п. 1» [24].* 12 декабря 1941 в соответствии с указаниями Военного совета Южного фронта было принято решение об эвакуации скота, тракторов, комбайновых моторов, сельскохозяйственного инвентаря и *«прочего ценного имущества и оборудования из колхозов, совхозов, МТС и других организаций через Сталинградскую область в Казахскую ССР»*. При этом разрешалось оставить необходимое количество рабочего тягла (волов, лошадей) и тракторов для производства текущих работ [25]. На протяжении августа – декабря 1941 г. областное бюро неоднократно возвращалось к рассмотрению вопроса об эвакуации скота, отмечая связанные с нею нарушения: отсутствие оборудованных стойл по пути перегона скота; надлежащего количества кормов и погонщиков; *«несознательное»* поведение жителей Сталинградской области, отбивающих эвакуированных волов и лошадей для собственных нужд; большой процент падежа скота [26].

В Сталинградской области эвакуация скота, решение о которой было принято 13 июля 1942 г. [27], по состоянию на 17 августа в одном только Красноармейском районе определялась *«крайне неясной»* и с множеством недоразумений. Рассредоточенность подлежавшего эвакуации скота по нескольким переправам делала его численность *«неизвестной»*: *«Получилось это от того, что до 7.VIII скот к эвакуации не готовился, а с этого числа его формировали часами в связи с создавшейся тяжелой обстановкой. <...> Принятыми мною мерами за последние дни значительно выправлено положение, много разбросанного скота найдено и согнано к общим гуртам, подобраны дополнительно люди, улучшаются бытовые условия погонщиков. Рабочий скот часто используется с эвакуированными колхозниками, учреждениями и другими организациями, часто*

используется на работах, но часть скота этого еще не найдена, так как в момент эвакуации находилась вне села и поля колхоза» [28].

В разгар боевых действий на южном фронте бюро обкома совместно со штабом 56-й армии рассматривало предложения последнего о выселении гражданского населения из прифронтовой полосы, фактически осуществляя внутреннюю эвакуацию. 16 декабря 1941 г. принимается постановление «О выселении гражданского населения из районов действия войск армии». 2 января 1942 г. выносится решение о выселении к 10 января 1942 г. гражданского населения из сел Совет и Кирпичево-Александровское Больше-крепинского района и размещении его в других населенных пунктах Родионово-Несветайского и Белокалитвенского районов [29]. Однако каким образом и в какой мере осуществлялись принятые постановления остается только догадываться. В свою очередь, благодаря докладной записке представителя областного управления милиции о проведении эвакуации населения в с. Дубовый Овраг Красноармейского района Сталинградской области, становится понятен механизм эвакуации населения из районов боевых действий. На начало эвакуации, проводившейся 15-й гвардейской дивизией, 27 октября 1942 г. в селе насчитывалось 544 семьи или 1734 чел. Выселение производилось до 4 декабря. С того времени «транспорт под эвакуированных не подавался, и эвакуация не производилась. Только из-за отсутствия транспорта. Стоящая часть 76 УР совершенно отказалась от выселения, т.к. у них нет приказа по Дубовскому Оврагу и нет транспорта. 5/XI нами произведена перепись оставшегося населения в с. Дубовый Овраг, в результате этой переписи оказалось проживающими 260 семей, или 651 чел. Помимо этого, в М. Чепурниках проживает 60 семей, или 300 человек, ранее вывезены из с. Дубовый Овраг и оставлены по причине отсутствия транспорта (машин), которые обязаны были перевозить дальше. Таким образом, люди в М. Чепурниках находятся в наихудшем положении и пытаются переселиться в Дубовый овраг. А всего подлежит эвакуации 320 семей, или 951 человек, а задержка происходит только из-за отсутствия транспорта» [30].

6 апреля 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б) заслушало сообщение областной прокуратуры о «непорядках при эвакуации в Чернышевском районе». Готовя хозяйства к эвакуации, руководители ряда районных МТС получили на основании распоряжений секретаря Чернышевского райкома в колхозах продукты питания (пшеницу, просо, мясо) и «длительное время с колхозами за эти продукты не рассчитывались». В свою очередь, секретарь райкома, дав распоряжение об обеспечении продуктами питания работников МТС на время нахождения их в пути, «не проконтролировал за тем, чтобы взятые продукты пошли по прямому назначению и своевременно за них были выплачены колхозам деньги». По результатам проведенной проверки секретарю райкома ВКП (б) был объявлен строгий выговор с предупреждением «за бесплатное получение, а по существу растаскивание скота и зерна из колхозов». Особое внимание обращалось на увеличившееся за время начала войны количество «неправильно принимаемых решений»: вопросы рассматривались не на заседаниях партийной организации, «а путем дачи записок от райкома за подписью его секретаря» [31].

Уже после окончательного освобождения Ростовской области в 1943 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б) рассмотрело «Материалы по эвакуации фабрики № 1 им. Шкирятова», анализ которых позволяет хотя бы частично оценить степень эффективности проведенной эвакуации промышленных предприятий города. Из них следовало, что телеграфным распоряжением наркома легкой промышленности от 22 сентября и приказом РОУЛП (Ростовского областного управления лесной промышленности) от 24 октября 1941 г. директору швейной фабрики было предложено эвакуировать оборудование, материальные ценности и необходимых специалистов. Местом эвакуации была избрана Бухара. Однако погрузка, для которой выделялись 15 вагонов, началась 23 октября на основании распоряжения областных органов власти. Погрузка производилась двумя эшелонами. Первый из них с основным оборудованием и ценностями был отправлен из Ростова-на-Дону 29 октября; второй в количестве трех вагонов с оставшимся оборудованием и приспособлениями – 5 ноября. Оборудование и ценности свозились на береговую территорию военного склада № 166 и «уже оттуда по мере поступления вагонов производилась непосредственная погрузка». Было эвакуировано

435 швейных машин разного класса, 101 электро-мотор, 486 различных приспособлений и «механических мест», все запчасти и материалы из кладовой, 15 станков, материальных ценностей на сумму 1857,5 тыс. руб., а также ряд ответственных специалистов фабрики и часть высококвалифицированных рабочих. Эвакуация производилась через Баку, куда вагоны, прибыв 1 и 8 ноября, встали в очередь на переправу через Каспийское море. Однако уже 12 января 1942 г. руководство обкома и горсовет приняли решение о возвращении всех предприятий РОУЛПа в Ростов-на-Дону. 1 февраля эшелон в составе 9 пульмановских вагонов с ранее эвакуированным оборудованием и материальными ценностями фабрики был отправлен по новому месту назначения. По заключению технической комиссии обкома, все своевременно эвакуированное имущество *«доставлено полностью, за исключением пропавших пошивочных материалов и фурнитуры, ... оставшиеся не эвакуированными ценности частично были расхищены, а частью пришли в негодность»* [32].

Еще одним зримым «следом» эвакуации, нашедшим отражение в партийных документах, стала чистка рядов областной организации ВКП (б). Начавшаяся после первого освобождения области сверка партийных билетов повлекла за собою и выяснение конкретных обстоятельств, не позволивших коммунистам области «вовремя» эвакуироваться. И.А. Марфин, член ВКП (б) с 1931 г., работавший в 1941 г. агентом склада НКЮ, в феврале 1942 г. был исключен из партии по причине проявленной политической неустойчивости: *«Марфин эвакуироваться не хотел, не эвакуировал и свою семью, остался в Ростове, оккупированном немцами. Партибилет уничтожил»* [33]. Участковый зоотехник Большекрепинского района В.Н. Калмыков, также уничтоживший партибилет, был исключен *«за пособничество немецким оккупантам»*. Оставшись в станице, оккупированной немцами, по причине *«нежелания эвакуироваться»*, возил корм *«для лошадей немецких войск, выполнял все поручения старосты, купил икону и повесил ее в своей квартире. На квартире проживали немцы»* [34]. М.С. Болтовская, работавшая сторожем в театре им. Горького, в октябре 1941 г. получила эвакуист и, *«имея полную возможность эвакуироваться, осталась в Ростове, оккупированном немцами. Партибилет уничтожила, причем уже второй раз»* [35]. Мать двоих взрослых дочерей, ручница-швейница 2-й швейной фабрики, *«во время оккупации немцами Ростова осталась, и эвакуироваться не хотела, мотивируя отсутствием средств. Рыжкова также не эвакуировала свою семью. Оставшись в Ростове, уничтожила свой партибилет и 2 комсомольских билета своих дочерей»* [36]. После окончательного освобождения области в феврале 1943 г. обкомом были составлены *«списки комсомольцев и коммунистов, оставшихся на временно оккупированной фашистскими войсками территории Ростовской области»* [37].

Выводы

На сегодняшний день в понимание механизмов осуществлявшихся эвакуационных мероприятий и оценки степени их эффективности включаются не только традиционные представления, длительное время основывавшиеся на архивном комплексе документов, но и индивидуальная память очевидцев того времени. Под их воздействием эвакуация из плоскости мероприятия государственной важности перемещается в область человеческих судеб. При этом и официальные документы, и воспоминания тех, кто непосредственно пережил эвакуацию, грешат *принципиальной* неполнотой, связанной, прежде всего, с их непосредственным предназначением. Так, если первые отражают намерения и видение конкретной ситуации органами власти в момент совершения того или иного действия, то вторые фиксируют ее спустя некоторое время и передают уже несколько иные впечатления.

Тем не менее, именно их взаимодействие способно привести в изучение рассматриваемой проблемы недостающую ей исследовательскую динамику и полноту. Вместе с тем, как показал анализ формируемых официальными источниками образов эвакуации по Ростовской и Сталинградской областям они все еще остаются доминирующими в восприятии событий того времени. И дело не только в сохраняющейся монополии и преобладании одного вида исторического свидетельства над другим. В данном случае исследовательскую оптику определяет не вид источника, а место исторической памяти, в пространстве которой «ворота Кавказа и Волги» могли быть оставлены только под воздействием обстоятельств чрезвычайной важности.

Примечания:

1. Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003; Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6; Яшин С.В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (дата обращения: 23.02.2014); Проект А. Бергмана «Детство, опаленное огнем Катастрофы: Эвакуация». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (дата: 2.03.2014).
2. Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). С. 41.
3. Линец С.И. Указ. соч. С. 51.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 13.
5. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).
6. А. Карапетян // Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д., 2006. С. 54.
7. А. Агафонов // Там же. С. 46.
8. А. Котлярова // Там же. С. 62.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р–3. Оп. 2. Д. 12. Л. 99–100.
10. Е. Комиссаров // Там же. С. 107.
11. М. Вдовин // Там же. С. 127.
12. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).
13. Там же.
14. Там же.
15. Респондент: Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 мин. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 мин. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
17. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 350. Л. 204.
18. Там же. Д. 336. Л. 83.
19. Там же. Д. 314. Л. 6.
20. Там же. Л. 28.
21. Скворцов М.В. Указ. соч. С. 42. Текст документа в статье приводится полностью.
22. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 314. Л. 31.
23. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. Волгоград, 2008. С. 9–10.
24. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 314. Л. 35.
25. Там же. Л. 45.
26. Там же. Л. 48 – 50.
27. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 10.
28. Там же. С. 11–12.
29. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. 324. Л. 12.
30. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 11.
31. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. Д. 324. Л. 56.

32. Там же. Ф.Р. – 3. Оп. 2. Д. 12. Лл. 76, 77.
33. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. Д. 327. Л. 181.
34. Там же. Л. 183 – 184.
35. Там же. Л. 181.
36. Там же. Л. 182.
37. Там же. Д. 12. Лл. 76, 77.

References:

1. Potyomkina M.N. Yevakuacija i nacional'nye otnoshenija v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialah Urala) // Otechestvennaja istorija. 2002. № 3; Linec S.I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostojanie i osobennosti razvitija (iyul' 1942 – oktjabr' 1943 gg.). Rostov n/D., 2003; Kumanev G.A. Voyna i yevakuacija v SSSR. 1941 – 1942 gg. // Novaja i noveishaja istorija. 2006. № 6; Jashin S.V. Yevakuacionnye perevozki v gody Velikoi Otechestvennoi voyny URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (data obrasheniya: 23.02.2014); Proekt A. Bergmana «Detstvo, opalennoe ognem Katastrofy: Yevakuacija». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (data: 2.03.2014).
2. Skvorcov M.V. Problemy istorii yevakuacii naselenija iz Stalin-grada v avguste – sentjabre 1942 goda: rol' mestnyh organov vlasti // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 38 (176). S. 41.
3. Linec S.I. Ukaz. soch. S. 51.
4. KPSS v rezolyucijah i reshenijah s'ezdov, konferencii i Plenumov CK. M., 1971. T. 6. S. 13.
5. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrasheniya: 21.01.2014).
6. A. Karapetjan // Smirnov V.V. Rostov pod ten'yu svastiki. Rostov n/D., 2006. S. 54.
7. A. Agafonov // Tam zhe. S. 46.
8. A. Kotljaroza // Tam zhe. S. 62.
9. Centr dokumentacii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (dalee – CDNIRO). F.R.–3. Op. 2. D. 12. L. 99–100.
10. E. Komissarov // Tam zhe. S. 107.
11. M. Vdovin // Tam zhe. S. 127.
12. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrasheniya: 21.01.2014).
13. Tam zhe.
14. Tam zhe.
15. Respondent: Moiseev Evgenii Vasil'evich, 1927 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 201 min. Zapis' 23 janvarja 2014 g. // Arhiv laboratorii istorii i yetnografii ISYeGI YUNC RAN.
16. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'yue-ry: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISYeGI YUNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 min. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i yetnografii ISYeGI YUNC RAN.
17. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 350. L. 204.
18. Tam zhe. D. 336. L. 83.
19. Tam zhe. D. 314. L. 6.
20. Tam zhe. L. 28.
21. Skvorcov M.V. Ukaz. soch. S. 42. Tekst dokumenta v stat'e privoditsja polnost'yu.
22. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 314. L. 31.
23. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. Volgograd, 2008. S. 9–10.
24. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 314. L. 35.
25. Tam zhe. L. 45.
26. Tam zhe. L. 48 – 50.
27. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. S. 10.
28. Tam zhe. S. 11–12.
29. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. 324. L. 12.

30. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. S. 11.
31. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. D. 324. L. 56.
32. Tam zhe. F.R. – 3. Op. 2. D. 12. Ll. 76, 77.
33. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. D. 327. L. 181.
34. Tam zhe. L. 183 – 184.
35. Tam zhe. L. 181.
36. Tam zhe. L. 182.
37. Tam zhe. D. 12. Ll. 76, 77.

УДК 94/47.084.8

**Эвакуация гражданского населения и материальных ценностей в годы
Великой Отечественной войны: память VS документ**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию эвакуации населением и ее отражению в Архивном фонде. В ней рассматриваются особенности воспоминаний очевидцев о событиях 1941–1942 гг. Раскрываются возможности архивных источников в понимании логики осуществления и срыва эвакуационных мероприятий. Отмечается содержательное несовпадение источников личного и официального происхождения, анализируются их исследовательские возможности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; эвакуация; гражданское население; материальные ценности; воспоминания; архивные документы; Ростовская и Сталинградская области.